

С.С. Подъяпольский

АРХИТЕКТУРА РОЖДЕСТВЕНСКОГО СОБОРА ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ

Среди каменных построек Русского Севера Ферапонтовский соборный храм Рождества Богородицы изучен ранее и лучше других. Уже в 1908 году в “Известиях императорской Археологической комиссии” вышла известная статья П.П.Покрышкина и К.К.Романова, в которой были опубликованы данные исследования, обмеры и выполненный Романовым чертеж “реставрации” Рождественского собора¹. Позднее, в 1921 году, Романов опубликовал статью об антимирах ферапонтовского собора, в которой впервые обосновал датировку храма 1490 годом и высказал соображения о месте этого сооружения в развитии русского зодчества XV века². В действительности историко-архитектурная концепция Романова по этому вопросу была сформулирована значительно ранее (см. его рукописи 1906 и 1908 годов в архиве Института истории материальной культуры РАН³). Эта же тема была развита им и позднее в фундаментальной статье “Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях”⁴. Чертеж “реставрации”, выполненный Романовым, публиковался неоднократно, он был положен в основу реставрационных работ, проводившихся в 1910-е и 1920-е годы под руководством архитекторов А.Г.Вальтера и В.В.Данилова.

Что же заставляет нас вновь обратиться к этой теме?

Прежде всего это необходимость уточнения реконструкции облика собора в XV–XVI веках. Многократно воспроизведенный чертеж Романова со временем стал по большей части восприниматься как адекватная реконструкция его первоначального состояния, каковым он в действительности не является. Он не только показывает собор в более поздней редакции, но и содержит некоторые существенные ошибки. В частности на нем отсутствует барабан над Никольским приделом (его изначальная принадлежность собору позднее была признана самим Романовым⁵) и принципиально неверно показана паперть XVI века.

Важно и то, что за истекшее время значительно полнее изучены архитектура и вообще искусство времени создания ферапонтовского собора,

тот фон, с которым должна соотноситься оценка самого памятника, что заставляет пересмотреть в свете новых данных некоторые прежние положения. Наконец, вновь возникает вопрос о датировке собора. Помимо появившейся обширной литературы по вопросу о дате росписи этого храма артелью Дионисия была сделана попытка передатировать и само здание, что далеко не безразлично для общей картины развития русского зодчества XV столетия.

Попробуем осветить по порядку все три названные проблемы.

Начнем с реконструкции собора. Наиболее тщательно было изучено Романовым основное ядро памятника — четверик храма с апсидами. Сам исследователь не сомневался в позднейшем происхождении каменных папертей, датируя их серединой XVI века ⁶. Не случайно поэтому они сравнительно бегло отражены на опубликованных обмерных чертежах. Романов прямо указывал, что “прилагаемая реставрация” призвана отразить состояние памятника на начало XVI века ⁷. Таким образом, встречающиеся попытки трактовать этот чертеж как реконструкцию первоначального вида собора являются очевидным недоразумением. Что касается достоверности изображения на нем основного объема храма, то она очень велика, и сейчас, по прошествии 80 с лишним лет, могут быть сделаны лишь немногие замечания. Об отсутствии малого барабана уже было сказано. Представляется более вероятной не криволинейная, а коническая форма покрытия апсид: следы примыкания таких кровель сохранились на восточной стене. Кроме того, признаки аналогичной формы покрытия апсид выявлены и у Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, во многом повторившего формы ферапонтовского собора. Остатки металлического посводного покрытия апсид, на которые указывал Романов, не могли относиться к раннему периоду жизни памятника, когда кровли неизменно устраивались деревянными. О том, что росписи в закомарах собора показаны безо всяких к тому оснований, писал уже сам автор. Конечно, недоказанным остается именно такое очертание церковной главы, но и любая другая форма не может быть сколько-нибудь лучше обоснована.

Гораздо больше претензий может быть предъявлено к изображению паперти. Разночтение возникает с самого начала: на словах Романов утверждает, что первоначальные паперти (либо, возможно, крыльца) были деревянными, показывает же он их одноярусными каменными, причем мотив их обработки взят, как он пишет, с более поздней крытой паперти. Наибольшее внимание автор уделяет изображению звонницы над северо-западным углом паперти, которую он считал более ранней, чем основная ее часть, и датировал временем не позднее начала XVI века, поскольку

уже в 1530 году было начато строительство трапезной Благовещенской церкви под колоколы, устранившей на первое время потребность в отдельной монастырской звоннице⁸.

В этой части паперти действительно сохранилась каменная лестница, ведущая от уровня пола паперти вверх, а с внешней стороны — выпущенные из кладки массивные консоли, служившие, по предположению Романова, опорой для столбов звонницы, хотя сам же он признает, что аналогий такой конструкции, явно неразумной с точки зрения законов статики, ему не известно. Ошибка Романова заключается в том, что он не придал значения существованию в этой части здания вертикальной шахты с небольшой дверцей внизу, являющейся характернейшим признаком устройства для часового механизма⁹. Следовательно,верху первоначально располагалась не звонница, а часовая палатка, может быть и со своим небольшим часовым колоколом. Для размещения этой палатки и потребовалось устроить над сравнительно узким объемом каменной лестницы расширение на консолях. Иное, чем предполагал Романов, назначение здания заставляет отказаться и от предложенной им реконструкции внешнего вида этой части паперти, и от изложенных выше доводов в пользу ее более раннего происхождения. И действительно, внимательно приглядевшись к характеру кладки стыков между этой и соседними частями паперти, можно убедиться, что они возведены одновременно. Остается попытаться представить себе, как выглядели двухэтажные каменные паперти собора, возникшие, как полагал Романов, не ранее середины XVI века.

Уже Романов обратил внимание на следы примыкания прежних папертных кровель к северному фасаду собора, справедливо заключив, что паперти имели пощипцовое (по его терминологии, пофронтонное) покрытие. К этому можно добавить, что на стенах собора имеются следы примыкания не только кровель, но и сводов паперти, которая таким образом реконструируется со сводчатыми перекрытиями как подклета, так и верхнего яруса. В отличие от нижних сводов, для пят которых в стенах подклета собора были прорублены сплошные борозды, верхние своды не вштрабливали в кладку основного объема, а оперли их на арки, переброшенные от внешних стен паперти к пилонам, приложенным к лопаткам храма. О таком именно устройстве свидетельствуют отпечатки сводов на каждом из прясел собора в отдельности, а также гнезда от деревянных брусковых связей, выходивших из внешних стен паперти в сторону собора, пята свода у стенки лестницы и хорошо читаемое внутри северной паперти место заделки пята одной из арок.

О внешнем виде паперти лучше всего судить по сравнительно хорошо сохранившемуся ее фрагменту к северу от ведущего в сторону трапезной

перехода. Здесь имеется профилированный междуэтажный пояс, парапет с квадратными филенками, разделенными узкими вертикальными тягами, и остатки довольно больших арочных проемов. На прясло приходится две арки, что несколько необычно: более характерно для папертей XVI века устройство еще более широких арок, занимающих все прясло целиком. Квадратные филенки продолжены и в северной глухой части западного фасада, где помещалась лестница к часовой палатке. Открытые арки выходили в западную сторону, а также вероятно и в южную, судя по заложенным парным аркам и остаткам филенок парапета крайнего прясла, примыкающего к юго-западному углу. В середине западного фасада к паперти вела каменная лестница, от которой сохранилась пята нижнего свода. Иное устройство имела северная паперть. В ней не было больших открытых арок, и освещалась она маленькими оконцами, сохранившимися до нашего времени. От западной паперти она отделялась кирпичной стенкой, выложенной в перевязь с массивом каменной лестницы к часам. В этой стенке и в соседней с ней наружной стене устроено несколько ниш с городчатым верхом, одна из которых вследствие позднейшей сломки разделяющей паперти стенки сохранилась только наполовину. Возможно, что в изолированной северной паперти первоначально находилась ризница, позднее, со строительством придела Мартиниана, перенесенная в южную паперть.

Обосновывая датировку соборных папертей серединой XVI века, Романов указывал на сходство ее форм, в частности парапета, с формами паперти Благовещенской трапезной церкви начала 1530-х годов. В действительности это сходство было еще более значительным, т.к. судя по имеющимся следам, паперть трапезной также имела пощипцовое покрытие прясел, почему-то отсутствующее на опубликованной П.П.Покрышкиным реконструкции. Парапеты обеих папертей очень близки и отличаются небольшой деталью: столбики, разделяющие филенки у паперти трапезной, имеют прямоугольное сечение, у собора — форму полуваля. Это небольшое различие существенно, поскольку более полную аналогию филенкам соборной паперти имеют два других, несколько более поздних памятника — собор 1537–1542 годов и начатая в 1545 году трапезная Спасо-Прилуцкого монастыря, на которые Романов не обратил внимания.

В связи с вопросом о датировке папертей ферапонтовского собора Романов обратился к датировке папертей собора соседнего Кириллова монастыря, которые он со ссылкой на Никольского отнес к “половине XVI века”. Это не вполне точно: Никольский датировал известные ему каменные паперти Успенского собора промежутком между 1568 и 1600 годами¹⁰. А.Н.Кирпичников и И.Н.Хлопин уточнили эту датировку как 1595–

1596 год ¹¹. Паперть эта, сохранившаяся частично, прежде же двусторонняя, не очень близка по формам к ферапонтовской: иной рисунок имеет ее парапет, крыта она простой скатной кровлей. Однако эта паперть не первая, которую имел Успенский собор. В ранней монастырской описи 1601 года сказано, что паперти сделаны "в старых место" ¹². Эти-то более ранние паперти и должны нас интересовать. Их следы были выявлены при обмерах Успенского собора. Это — отпечатки примыкания сводов и кровель, прослеживаемые частично над, но в основном, под кровлями более поздних папертей. Как выяснилось, собор прежде имел две отдельных, не смыкающихся между собой паперти. Одна из них простиралась вдоль всего западного фасада, другая примыкала к среднему пряслу северного фасада и к приделу Владимира, возведенному в 1554 году. Общая структура западной паперти была очень близка к структуре папертей ферапонтовского собора, с той разницей, что у нее не было подклета. Покрытие ее было пощипцовым. Очевидно, что мы имеем дело с типологически очень близкими и скорее всего столь же близкими хронологически постройками.

Когда же возникли ранние кирилловские паперти? Прямых указаний источники не содержат, однако косвенным образом приблизительная датировка все же может быть получена. Никольским опубликованы относящиеся к XVII веку описи кирилловских захоронений, в том числе и внутри соборных папертей ¹³. Выясняется, что наиболее интенсивно использовалась для этой цели западная паперть, где были погребены некоторые церковные иерархи, а также умершие в монастыре лица из рядов высшей аристократии. Наиболее ранние из захоронений — вологодского епископа Алексея, умершего на покое в монастыре и последний раз упоминающегося в 1549 году ¹⁴, и князя Михаила Ивановича Кубенского (скончавшегося в 1549/1550 году ¹⁵). Даты смерти других похороненных здесь лиц колеблются от 1550-х до 1580-х годов. Все это позволяет отнести раннюю западную паперть кирилловского собора, наиболее сходную с ферапонтовской, к 1540-м годам. Захоронения около северных дверей собора, т.е. внутри другой отдельной паперти, не могут быть датированы ранее чем концом 1560-х годов, что также может служить основанием для ее датировки. Отсутствие в остальной части северной паперти захоронений ранее XVII века (дьяк Никифор Шипулин с сыном) подтверждает верность нашего предположения о связи дат захоронений и времени появления соборных папертей. Все это косвенно указывает на правильность высказанного Романовым предположения о возведении папертей ферапонтовского собора в середине XVI века, вероятнее же всего в 1530-х или 1540-х годах.

Можно добавить несколько слов о дальнейшей судьбе этих папертей. В XVII веке, в связи со строительством церкви Мартиниана и переходов к

трапезной, она подверглась сильным переделкам. Монастырская опись 1665 года указывает уже на иное место часов — в брусовой “часовне” над переходами¹⁶. Наиболее подробные сведения дает опись 1714 года. В это время часы находились над папертью церкви Благовещения, где для этого был построен “шатер деревянной рубленой в замок, в том шатре построен чюлан, в чюлане часы боевые на ходу с перечасием”. Место же первоначальной часовой палатки занимала поставленная над соборной папертью “ризница рубленая брусеная, покрыта тесом в зубец, вход к той ризнице из паперти, в дверях затвор деревяной, затворы крюки и накладка железные, замок висячей, вверх вход лесница каменная”¹⁷. Последние переделки относятся уже к середине XIX века, когда паперть приобрела вид, не отличающийся от современного.

И все же главный вывод, который мы должны сделать, тот, что собор первоначально не имел никаких каменных обстроек, будучи окружен лишь низкими деревянными галереями, либо же, что мне лично представляется более вероятным, отдельными всходами. Его компактный, стройный объем обладал цельностью, утраченной впоследствии, по мере расширения строительства.

Обратимся теперь к вопросу об историко-архитектурной характеристике памятника.

Представление Романова о месте Рождественского собора в русском зодчестве XV века вкратце может быть сведено к следующему. Собор сочетает в себе элементы архитектуры как московской (позакомарное покрытие), так и особенно псковской (некоторые мотивы декора, как например, бегунец и поребрик, главное же — это присущие, как полагал Романов, только псковскому зодчеству ступенчато повышенные арки под барабаном). Сочетание московских и псковских приемов стало возможным после приглашения в 1474 году псковских мастеров в Москву как экспертов для определения причин разрушения строящегося Успенского собора и последующей работы их в Москве и Подмоскovie. Этой артели мастеров и приписывал Романов ферапонтовский собор. В целом же для него картина рисовалась следующим образом: московское зодчество XIV–XV веков, унаследовавшее традиции владими́ро-суздальского зодчества, это наследие растеряло и оказалось неспособным к какому-либо творческому развитию; новый импульс придало ему соприкосновение с псковской строительной культурой, для того времени наиболее динамичной и художественно совершенной; лишь через это взаимодействие с Псковом, а также контактов с приезжими итальянскими мастерами оказывается возможным объяснить последующий расцвет московской архитектуры в XVI столетии. Ферапонтовский собор — живой свидетель проходивших про-

цессов плодотворного воздействия псковского зодчества на строительство Московского княжества¹⁸.

Главное слабое место этой концепции — очевидная недооценка московской архитектуры XIV–XV веков, которая, как показали исследования Н.И.Брунова, П.Н.Максимова, Н.Н.Воронина и Б.А.Огнева, нисколько не уступала по динамизму развития архитектуре Пскова. В частности, конструкция повышенных подпружных арок, столь решительно преобразующая внутреннее пространство крестовокупольного храма, появляется в Москве не позднее рубежа XIV–XV веков и, по выводу некоторых современных исследователей, заимствована не москвичами из Пскова, а наоборот, псковичами из Москвы¹⁹. Решительно преобладающими оказываются традиционные московские черты и у кремлевских построек псковичей — церкви Ризположения и Благовещенского собора²⁰. В свете этого область сопоставления архитектуры ферапонтовского Рождественского собора с псковскими памятниками оказывается сильно суженной. Основной его особенностью, не находящей на уровне наших сегодняшних знаний каких-либо аналогий в московской архитектуре и сближающей его с псковскими или новгородскими образцами, оказывается не сводчатая конструкция, а деревянное перекрытие над подклетом. Отдельные мотивы кирпичной декорации его стен, особенно орнаментальная кладка западного фасада, могут быть сопоставлены с декоративными приемами не столько псковского, сколько новгородского зодчества второй половины XV века (церковь Дмитрия Солунского, 1462²¹).

И все же гораздо больше оснований связывать архитектуру Рождественского собора не с новгородской (а тем более не псковской), а с московской традицией, особенно с учетом обширного кирпичного храмового строительства третьей четверти XV века, данные о котором обстоятельно изучены в последнее время В.П.Выголовым²² и отражением которых безусловно явились в своих основных чертах московские постройки псковичей — Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря, Благовещенский собор, церковь Ризположения. При этом ферапонтовский собор имеет и некоторые заметные отличия от московских прототипов, объединяющие его с территориально близкими постройками конца XV века — соборами Спасо-Каменного монастыря (1481) и Кирилло-Белозерского монастыря (построен в 1496 году мастером Прохором Ростовским), а также в известной степени с палатой князя Андрея Васильевича Большого в Угличе. К таким объединяющим все три собора чертам относится отсутствие профилированного цоколя в нижней части стен (у ферапонтовского и спасокаменского соборов, поставленных на подклет, он применен только в основании верхнего яруса, у кирилловского собора, подклета не имеющего,

его нет вовсе). Отличаются они и расположением орнаментальных поясов под пятами закомар, в отличие от традиционного для Москвы размещения их на середине высоты стен. Сами пояса северных храмов значительно сложнее по составу, чем у известных нам московских построек, и включают некоторые свои характерные мотивы, как то: помещение балясин в крестообразные впадины, применение терракотовых плит с двойным раппортом орнамента в виде крина (в Москве всего только одинарный раппорт). Характерна для белозерских соборов, а также для последующих построек этого региона схема размещения закомар и кокошников в трех ярусах по четверику, по три с каждой стороны. Хотя московское происхождение этой схемы вполне вероятно (такую форму имеет верх малого сиона московского Успенского собора, 1485), вне Белозерья она встречается у сохранившихся построек лишь позднее и достаточно редко, в частности у собора Медведевой пустыни²³ середины XVI века, трапезного храма Успенского монастыря в Тихвине, а также у бесстолпных московских церквей конца XVI века. Можно указать и на другие устойчивые приемы, например на использование городчатой формы в завершении окон барабанов.

Все сказанное заставляет довольно решительно пересмотреть точку зрения Романова на место ферапонтовского собора в развитии русского зодчества. Безусловно преобладающими оказываются в его архитектуре черты, связывающие его со строительной и художественной традицией Северо-Восточной Руси, а общность с псковским зодчеством — в целом не большей, чем у любых других построек этого времени на тяготеющих к Москве территориях. Сближение собора с другими северными постройками заставляет отказаться от предположения об атрибуции памятника псковской строительной артели, работавшей до этого в Москве. Более вероятно было бы отнести всю эту группу построек к деятельности ростовской строительной артели, на что указывает расположение их в пределах Ростовской епархии и свидетельство кирилловского летописца о возведении кирилловского Успенского собора мастером Прохором Ростовским.

Говоря об особом месте, занимаемом в пределах этой группы ферапонтовским собором Рождества Богоматери, можно было бы указать на некоторые его индивидуальные черты. Хотелось бы в первую очередь назвать особую гармонию и изящество его пропорционального строя, и может быть особенно его интерьера, а также исключительное богатство терракотового убранства. В частности, рельефные орнаментальные плиты у него применены четырех типов, среди которых три представляют весьма разные по художественным качествам варианты распространенного в этот период растительного орнамента — крина, а один — совершенно уникальные изображения животных. Необычны порталы собора, как боковые с

уступчатыми нишами, в углы которых вставлены терракотовые балясины, так и западный, перспективный, внешние колонки которого не выступают за пределы стены, как это бывает часто, а как бы врезаны внутрь. Необычен рисунок его бусин. Базы и вертикальные тяги обрамления этого портала очень сильно развернуты вовне, создавая иллюзию усиления глубины. Это также очень индивидуальный прием, хотя он несомненно родственен другим приемам использования так наз. оптических поправок, широко использовавшихся в московском зодчестве XIV–XV веков и неизвестным в зодчестве Пскова и Новгорода. Ферапонтовский собор при всех своих типологических чертах, свойственных архитектуре Северо-Восточной Руси XV века, — сооружение, отличающееся яркой индивидуальностью и высоким художественным совершенством.

Переоценка места Рождественского собора в развитии русского зодчества XV века уже сама по себе вызывает необходимость вновь рассмотреть вопрос об его датировке. Основанием для нее послужила в свое время находка антиминса с датой освящения 6999, т.е. 1490 год. Однако антиминсов было найдено несколько, и среди них — относящиеся к XV веку, а именно к 1409 и к 1465 годам²⁴. Для Романова вопрос решался ясно — принятие тезиса о возведении собора артелью псковских мастеров исключало возможность относить его строительство ко времени ранее 1474 года. С отказом от атрибуции памятника псковским строителям вся цепь рассуждений рушится. Остается лишь гораздо более шаткий довод — предположение И.И.Бриллиантова о строительстве собора на вклад ростовского архиепископа Иоасафа Оболенского, в 1488 году удалившегося на покой в Ферапонтов монастырь. Дата 1409 год по общему согласию всех исследователей относится к сооружению деревянного храма, поэтому единственная иная датировка, опирающаяся на свидетельство антиминса, это 1465 год.

Недавно В.В.Дергачевым в статье о родословии иконника Дионисия была весьма решительно выдвинута именно эта дата²⁵. В числе аргументов, ее поддерживающих, главное место занимает утверждение о невозможности закладки каменного собора без нарушения находящегося около южной стены захоронения Мартиниана 1483 года, мощи которого в 1513 году были обретены нетленными, а также весьма произвольная попытка “реалистического”, как называет автор, прочтения легенды о видении Мартиниана Кассиану Учемскому, в миру боярину Константину. Ни один из этих доводов не представляется сколько-нибудь серьезным. Начать с того, что нет ничего технически невозможного и даже сколько-нибудь сложного в закладке фундамента непосредственно рядом с захоронением без его нарушения, особенно там, где, как это было в Белозерье, фун-

дамент укладывался без раствора в ров, заполняя его весь. Достаточно сослаться на пример соседнего Кириллова монастыря, где в 1496 году был возведен каменный Успенский собор, вплотную к южной стене которого, близ алтаря сохранена нетронутой, без вскрытия могила основателя монастыря преподобного Кирилла — ситуация, вполне аналогичная ферапонтовской. Второй довод Дергачева вовсе не выдерживает критики, поскольку в повествовании о “сонном видении” боярина Константина речь не идет именно о ферапонтовском храме, а лишь о некоторой абстрактной “церкви каменной велией”, не говоря уже о степени достоверности подобных свидетельств²⁶.

Более основательно выстроены возражения против принятой датировки собора в статье М.А.Орловой²⁷. По ее мнению, такое важное и редкое для своего времени событие как освящение каменного соборного храма должно было обставляться с максимальной торжественностью, с выездом архиепископа на место, а в таких случаях антиминс не выдавался. Обращает она внимание и на особенности самого антиминса 1490 года: малые размеры, отсутствие изображения Голгофы, поспешность почерка и главным образом необычность формуляра: “при... архиепископе” вместо обычного указания на освящение архиепископом. Все это с ее точки зрения позволяет считать антиминс выданным не для нового каменного храма, а лишь в связи со вступлением на кафедру архиепископа Тихона. Выдвигает она возражения и против отнесения сведений о пожаре монастыря, с которым обычно связывают строительство каменного храма, к концу 1480-х годов, поскольку, согласно житию Мартиниана, монастырь погорел еще при жизни преподобного, т.е. не позднее 1483 года. Формулировку жития о погребении Мартиниана “у болшия церкви пресвятыя Богородицы” она считает свидетельством того, что церковь была к тому времени каменной. Главное же, как она полагает, это близость архитектурных форм соборных храмов Ферапонтова и Спасо-Каменного (1481) монастырей, что приводит ее к выводу о возведении каменного храма Рождества Богородицы в начале 1480-х годов.

М.А.Орлова права в том, что освящение храма могло происходить (но не обязательно происходило) без выдачи антиминса, и в этом случае может быть предложена и иная, до известной степени произвольная датировка собора. Но ее доводы недостаточны для безусловного отказа от предложенной Романовым версии. Соответствие внешнего вида антиминса важности и редкости такого события, как освящение каменного храма, конечно, не обязательно, а указанная необычность его формуляра не уникальна²⁸. Известия о пожаре в источниках изложены разноречиво, и к тому же ни в одном из них напрямую не соотнесены с соборным храмом,

поэтому время пожара для нас не столь уж существенно. Название соборной церкви большой тоже вовсе не означает, что речь идет именно о каменном храме. Что же касается черт сходства ферапонтовского собора с собором Спасо-Каменного монастыря 1481 года, то нельзя игнорировать и не меньшее сходство с ним собора Кирилло-Белозерского монастыря 1496 года, причем если в первом случае сходство в большей мере касается типологии, то во втором более очевидно проявляется в оттенках стилистики, что кажется нам более важным для сближения датировок.

Что же еще можно предложить для решения проблемы датировки Рождественского собора?

Наиболее надежными здесь оказываются данные, которые предоставляет в наше распоряжение изучение строительной техники собора. Начнем с того, что он целиком возведен из брускового кирпича в технике верстовой кладки. Кирпич формован довольно тщательно и не сходен с кирпичом новгородских построек, да и размеры его иные (о размерах будет сказано несколько ниже). Во Пскове же в XV веке кирпич не употреблялся вовсе. Как известно, первые сведения о кирпичном строительстве в Северо-Восточной Руси после монгольского завоевания относятся к 1399 году (ремонт Спасского собора в Твери “от плиты зженыя”²⁹) и становятся систематическими начиная с 1450 года (церковь Воздвижения на дворе Владимира Ховрина и последующие московские постройки). Однако ранних кирпичных зданий не сохранилось, и судить о характере их кладки можно по сравнительно более поздним образцам. Тем не менее ряд памятников дает в этом отношении вполне однозначную картину: применялся в этот период не брусковый кирпич, а как бы промежуточный по своим размерам между брусковым и плинфой. Об этом свидетельствуют: 1) выстилка пола, найденная при раскопках в Успенском соборе в Кремле, убедительно отнесенная В.П.Выголовым к Похвальскому приделу 1459 года³⁰; 2) отдельные кирпичи, использованные при выравнивании фундамента Успенского собора 1475–1479 годов, резко отличающиеся от брускового кирпича основной массы стен этого здания, изготовленного по указанию Аристотеля Фиораванти “нашего кирпича уже да продолговатее” (свидетельство 1-й Софийской и Львовской летописей³¹); 3) Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря 1476 года; 4) собор Спасо-Каменного монастыря 1481 года; 5) некоторые постройки Угличского дворцового комплекса по данным новейших раскопок³². Все позднейшие сооружения включая Благовещенский собор (1484–1489) и церковь Ризположения (1484–1486) в Москве, кремлевские стены и башни, начатые в 1485 году, собор Кирилло-Белозерского монастыря сложены уже целиком из брускового кирпича в возможной только для него системе верстовой перевязи, не при-

менявшейся до того в пределах Северо-Восточной Руси. Переход от одного типа кладки к другому, если не считать первого возведенного в новой технике здания — Успенского собора Фиораванти, твердо датируется серединой 1480-х годов. Уже одно это полностью исключает возможность датировки ферапонтовского собора Рождества Богородицы 1465 годом. Добавим к этому, что кирпич ферапонтовского собора, имеющий размеры 6(6,5) x 15 x 30 см, хотя и не является наиболее характерным для этого периода, все же встречается у некоторых других сооружений конца XV — начала XVI века. Это Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря, Воскресенский собор в Волоколамске, а также отдельные участки кладки наиболее ранней, подвальной части трапезной Андроникова монастыря 1504–1506 годов.

Есть у Рождественского собора и еще один датирующий элемент. Среди терракотовых плит, украшающих его фасад, имеются плиты с одинарным раппортом, очевидно привозные, использованные в нижней части пояса под закомарами. По размеру и рисунку они исключительно близки к плитам московской церкви Ризположения. При всей однотипности рельефов с изображением крина среди построек этого времени никогда не было отмечено столь близкого их совпадения, как в данном случае³³. Это заставляет сближать даты возведения Ризположенской церкви (завершена в 1486 году) и ферапонтовского соборного храма, причем более вероятным представляется использование образца московской митрополичьей церкви в периферийном строительстве, а не наоборот, что вполне согласуется с принятой Романовым датировкой освящения собора Рождества Богородицы в 1490 году. Никаких оснований для ее пересмотра не существует.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Покрышкин П. П., Романов К. К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. — Известия Императорской Археологической комиссии, вып. 28. (Вопросы реставрации, вып. 2). СПб., 1908 (раздел о Рождественском соборе написан Романовым).
- 2 Романов К. К. Антиминсы XV–XVII веков собора Рождества пр. Богородицы в Ферапонтове-Белозерском монастыре. — Известия Комитета изучения древнерусской живописи, вып. I. СПб., 1921.
- 3 Романов К. К. Собор во имя Рождества пресв. Богородицы в Ферапонтове-Белозерском монастыре и белозерский тип соборных сооружений конца XV–XVI веков. Рукописи. Архив ИИМК РАН, ф. 29, 9/1906; 15/1908.
- 4 Романов К. К. Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях. — Известия Российской Академии истории материальной культуры, т. IV. Л., 1925.
- 5 Романов К. К. Антиминсы XV–XVII веков..., с. 23.
- 6 Покрышкин П. П., Романов К. К. Ук. соч., с. 124.

- 7 Там же, с. 125.
- 8 Там же, с. 124–125.
- 9 В частности, такие вертикальные шахты имеются у кирилловской церкви Архангела Гавриила и у Успенской церкви в Белозерске, где наличие часов устанавливается документально.
- 10 Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века, т. I, вып. I. СПб., 1897. с. 77.
- 11 Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Великая государева крепость. Л., 1972, с. 111.
- 12 Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. Комментированное издание. Сост. З.В. Дмитриева и М.Н. Шаромазов. СПб., 1998, с. 42.
- 13 Никольский Н.К. Ук. соч., Приложения, IV, с. XLV–LVIII.
- 14 Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1887, стлб. 730.
- 15 Никольский Н.К. Ук. соч., Приложения, с. XLVI.
- 16 ГАВО, ф. 883, д. 40, л. 49.
- 17 ГАВО, ф. 496, д. 368, л. 46–46 об.
- 18 Романов К.К. Антиминсы XV–XVII веков...; Его же. Псков, Новгород и Москва...; Его же. Собор во имя Рождества пресв. Богородицы...
- 19 Седов В.В. Псковская архитектура XIV–XV веков. М., 1992, с. 74–75.
- 20 Максимов П.Н. К вопросу об авторстве Благовещенского собора и Ризположенской церкви в Московском Кремле.—Архитектурное наследство, 16. М., 1967. Несмотря на ошибочность основного вывода статьи об атрибуции этих памятников московским мастерам Кривцову и Мышкину, проведенный автором анализ форм этих памятников вполне сохраняет силу.
- 21 Максимов П.Н. Церковь Дмитрия Солунского в Новгороде.—Архитектурное наследство, 14. М., 1962.
- 22 Выголов В.П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.
- 23 Памятники архитектуры Московской области, т. I. М., 1975, с. 84.
- 24 Романов К.К. Антиминсы XV–XVII веков... Пересчет дат на современное летоисчисление произведен Романовым из расчета сентябрьского года, при ультрамартовском это могут быть 1410 и 1466 годы.
- 25 Дергачев В.В. Родословие Дионисия иконочника.—ПКНО. Ежегодник, 1988. М., 1989, с. 214–216.
- 26 О том, как описывает В.В. Дергачев текстом предания, говорит хотя бы такой пример: «поддержка „среди церкви престол превознесен, и на нем же сидяще преподобный Мартиниан“ интерпретируется таким образом, будто Мартиниан стоял (?) во весь рост на церковном престоле в алтаре (?), и, поскольку он был виден из храма, делается вывод... о высоте иконостаса в ферапонтовском соборе.
- 27 Орлова М.А. К истории создания росписи собора Ферапонтова монастыря.—Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989, с. 49–52.
- 28 В коллекции антиминсов Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника помимо антиминса ферапонтовского храма Рождества Богородицы 1490 года имеются и другие, текст которых содержит указание на освящение их не ростовским архиереем, а «при» нем, также помещенное вслед за великокняжеской или царской титулатурой. Так, при архиепископе Никандре был в 1560 году выдан антиминс для церкви Сергия Радонежского (предполагаемое строительство каменного храма, инв. ЦТ 433), а при

митрополити Варлааме пять антиминсов, датированных различно между 1638 и 1646 годом, причем один из них — церкви Епифания (1645 год, инв. ЦТ 439) — несомненно предназначался для вновь построенного храма. Очевидно, что на основании формуляра невозможно различить антиминсы, выданные для уже существующих или вновь учреждаемых храмов.

29 ПСРЛ, т.11, с.174.

30 Доклад В.П.Выголова об Успенском соборе Калиты на научной конференции "Мероприятия Советской власти в области сохранения и изучения культурного наследия" во ВНИИ искусствознания 12.10.87.

31 ПСРЛ, т.20, с.302.

32 Любезно сообщено покойным П.А. Раппопортом.

33 См. сопоставительную таблицу плит с изображением крина: *Выголов В.П.* Русская архитектурная керамика конца XV—начала XVI века (о первых русских изразцах).—Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975, с.297.